

В Доме Баха

Надежда КОЖЕВНИКОВА

ВИСЕВШИЙ над притолокой медный колокольчик коротко звякнул, задетый открываемой дверью.

В маленькой комнате с низким потолком сидела за конторкой старушка, продающая билеты и открытки. Открытки были выложены веером за ее спиной, лежали стопками на столе, и она смотрела на них так любовно и мечтательно, словно это были фотографии из семейного альбома. Родственное сходство изображенных там людей усиливалось общим для всех хмурым выражением, а также похужестью причесок, давно вышедших из моды. Некоторым эта прическа совершенно не шла, можно даже сказать, была противопоказана. Особенно одному. Его лицо с квадратным подбородком, сильно изогнутым ртом, кривоватым носом и глазами, сощуренными под припухшими веками, никак не сочеталось с завитым париком и распущенным камзолом. Казалось, он сунул голову в дыру декорации, и провинциальный фотограф так и запечатлел его. Глаза под припухшими веками смотрели с небрежной рассеянностью, несколько даже обидной, но колючесть зрачков таила в себе такую зоркость и властность, что хотелось кротко опустить взгляд долу и попросить прощения за навязчивость.

Тем более что мы пришли к нему в дом. В дом № 303 на Фрауенплац, где он родился 21 марта 1685 года и где в 1826 году появилась табличка: «Дом-музей И. С. Баха».

ЕСТЬ в маленьком чинном Эрфурте величественное, мощное здание, производящее впечатление неожиданное и тревожащее. Это собор, построенный в 1154—1363 годах. Пустынная площадь перед ним еще больше усиливает грандиозность, можно даже сказать, мятежность его облика. Будто он не возводился кропотливо человеческими руками, а вынырнул изпод земли после вулканического взрыва, возник неожиданно, поразив своей цельностью и законченностью.

Стоящий на сводчатом возвышении, он тем не менее кажется только наполовину вышедшим из земли, из самых ее недр, как обоюдоострый меч — пронзая своими шпильми небо и нутро земли. И мы стоим у его подножия в том радостном ощущении преемственности поколений, которое вызывает великое творение человеческого гения.

А в старой церкви, составляющей с собором единый ансамбль, стоит бронзовый светильник, фигура почти в человеческий рост. В напряженных, широко разведенных руках две свечи, живот выпячен, спина тоже напряжена, как и бывает при поднятии тяжести, а голова чуть запрокинута назад. Взгляд бронзового человека обращен в небо. Но вряд ли он ждет оттуда приказа, вряд ли напряжение всей его мускулистой фигуры вызвано чужой волей. Слишком упрям подбородок, задранный вверх, и спина его, крутая, мощная, — спина простолюдина, привыкше-

го к трудной работе, а не монаха — схимника, изнуряющего себя постами. Крепко упершись в землю ногами, широко разведя в стороны руки, напрягши мускулы спины и живота, — почему он смотрит вверх? Уже не вызов ли в его взгляде, обращенном туда?

Или ждет он оттуда приказа, вознаграждения, хвалы? Каждый волен избрать свой путь размышлений, трактований увиденного. А я — будет дано мне это право — вдруг разглядела в бронзовом лице человека, держащего в напряженных мускулистых руках две свечи, разглядела и узнала квадратный подбородок, сильно изогнутый рот, кривоватый мясистый нос и глаза под припухшими веками. Глаза смотрели рассеянно, но в глубине их таилась сосредоточенность, нарушить которую не могло ничто, бережная сосредоточенность к тому, что возникало в самой глубине его существа и что он обязан был выразить в своей музыке.

Держа в широко разведенных руках две свечи, он шел, тяжело ступая по каменным плитам собора, поднялся на хоры, подошел к органу...

...Музыка взметнулась вверх тревожно-торжественным гудением органных труб, и точно маленькие язычки пламени зарождались в конце каждой темы при переходе ее из одного голоса в другой, пока не были объяты заключительным пожаром коды.

Человек сидел у органа, как бы сдерживая рвущуюся оттуда музыку, трудно и медленно двигались лопатки на его спине, когда он нажимал руками клавиши, а ногами педали, он встал, и черный парик с пуделивыми кудрями мешал ему.

Липо его с упрямым подбородком было чуть запрокинута назад. Глаза в припухших веках смотрели властно и даже чуть вызывающе. Что выражал его взгляд? Может, только по рассеянности обратил он его на высокую, купольную фреску с фигурой Христа, может, по забывчивости задержалась на его губах победная улыбка?

...Он шел, тяжело ступая по каменным плитам собора, держа в широко разведенных руках две свечи. На хорах, в органе, ждала его музыка.

ПОСЛЕ СМЕРТИ стоимость всего его наследства составила 1.122 талера и 16 крейцеров, очень небольшая сумма для того времени. Работая всю жизнь, он не смог скопить сколько-нибудь значительного состояния для своих наследников. Он все оставил потомкам, и на много-много веков еще хватит им этого наследия.

...Висящий над притолокой медный колокольчик коротко звякнул, задетый открываемой дверью. Старушка, сидящая за конторкой, с неожиданной живостью подскочила со своего стула и отворила дверь в соседнюю комнату.

В мелодии, слышавшейся оттуда, некоторые звуки пропадали, словно произносимые старческим ртом с выщербленными зубами. Седой высокий человек сидел за маленьким узорчатым клавесином и выковыривал утолщенными в суставах пальцами западающие клавиши. Мелодия путалась и скакала, словно распатанная телега, но лицо человека было серьезно и спокойно, будто он считал недостойным вы-

сказывать при публике свое недовольство стареньким инструментом.

— Молодой человек, пропустите вперед свою соседку. Пусть ваш великодушный рост соответствует вашей вежливости, — не отрывая взгляда от клавиш, проговорил старик. — А теперь, — он поднялся из-за клавесина, — я сыграю вам на инструменте, который многие из вас увидят впервые. Это стеклянная гармоника Бенджамина Франклина. Правда, странный у нее вид? Франклин, кроме целого ряда научных открытий, сделал несколько интересных технических изобретений и усовершенствований. Например, лампы для уличных фонарей, экономичную «франклиновскую печь» и вот этот особый музыкальный инструмент под названием стеклянная гармоника. Вслушайтесь, как он звучит.

Старик подошел к сооружению, по форме напоминающему ножную швейную машинку, только более крупных размеров, и, не присаживаясь, склонился над плотно, как пашлык, навишанными на стержень кругами зеленоватого толстого стекла. Обмакнув кончики пальцев в стоящее рядом блюдце с уксусом, он коснулся этой странной клавиатуры, не нажимая, не погружаясь вглубь, а точно поглаживая зеленоватую поверхность стекла быстрым ласкающим движением. Звук франклиновской гармоники слегка напоминал шарманочный, словно был вызван не прикосновением человеческих пальцев, а сработавшим внутри-механическим устройством.

ПОЧЕМУ в звучании шарманки мы слышим что-то жалостное, беспомощное, отчего снисходительно и чуть стыдливо улыбаемся?

И мелодия, сыгранная стариком, тоже была какая-то марионеточная, бесстрастно-безвольная, так что исполненная после нее на маленьком, почти кукольном органчике прелюдия прозвучала будто в концертном зале с мастерски продуманными акустическими эффектами.

А на стенах комнаты висели скрипки, лютни, виолы да гамба, виолы да ламур, флейты и фаготы. Седой высокий человек брал в руки какой-либо из инструментов и играл, иногда строго взглядывая на столпившихся возле него слушателей. В его объяснениях не было посторонней любезности экскурсовода, он не позволял отвлекаться и рассеиваться, требовал заинтересованности и сообразительности, как учитель, вдохновленный вниманием учеников. А ученики у него были самого различного возраста. Дети-дошколята, ростом чуть выше пузатых виолончелей, супружеские пары, старые женщины и юнцы. Некоторым из них было позволено коснуться клавиш старинных клавикордов, взять в руки скрипки — пикало, и они с бережной почтительностью принимали оказанное им доверие. А хранитель этих сокровищ, Юген Даан, высокий седой семидесятилетний человек, улыбаясь, как звякнул медный колокольчик, задетый открываемой дверью, выходил встретить новую группу своих гостей-учеников.

В одной из комнат верхнего этажа этого дома 21 марта 1685 года родился великий немецкий композитор Иоганн Себастьян Бах. А в 1907 году на первом этаже дома, где он родился, образовался небольшой музей музыкальных инструментов. Многие из них сохранились с баховских времен. Звучки, доносившиеся с нижнего этажа, были очень похожи на те, которые слышал маленький Бах, лежащий в своей колыбели в темноватой, с низкими потолками комнате наверху.

